

(BRIDGING THE GAPS или Теория Хулиганизма)

Александр ЛЮЦКО

*Международный институт по радиоэкологии им. А. Сахарова,
Минск, Беларусь, 1.8.95.*

К читателю

В обозримой истории диалектика, похоже, никогда так не скалила зубы населению. Аппетитный кусок южно–курортной Европы вдруг приобрел такие причудливые и непримиримые границы, что в них разбираются только политические обозреватели. Еще быстрее делится Советский Союз, в котором уже сейчас президентов хватает на все остальные страны, а попробовать себя в должности готовятся новые...

С другой стороны, в соседстве с воюющими восточно–европейскими племенами и разваливающимся Советским на глазах укрепляется Европейский Союз, все части которого уже отвоевались друг с другом, породив немало гамильтонов, бисмарков и бонапартов. Что, скажите, общего у легкомысленных республиканских французов и уравновешенных королевских англичан, у которых все не так, как у людей, даже стороны движения?

Амбициозному мыслителю положено разобраться в современной диалектике не только для понимания, но также и для управления историческим процессом. Легче всего объяснить слияния и деления народов бесконечным стечением обстоятельств. Но сказать, что «все зависит от всего» — значит ничего не сказать. Научный подход состоит в поиске универсальных законов. Еще важнее — правильно их применять. В моей практике поучительным оказался случай с весьма способным аспирантом–теоретиком, получившим задание установить в климатической камере дополнительный вентилятор для равномерности температуры. После двух дней напряженных расчетов аспирант заявил, что задача не имеет решения, так как лопасти не будут вращаться из–за сопротивления воздуха. Надо видеть его удивление, когда, чертыхаясь, потерявший терпение руководитель сам просверлил нужные отверстия и продемонстрировал абсурдность одновременного рассмотрения явлений природы, скажем, стола, как массивного механического тела, на уровне опилок, деревянных атомов и квантовой механики.

Предлагаемые заметки — объективный анализ трех индивидуальных хулиганов, прошедших непростой путь сближения из бесконечно различных точек ментального пространства, построивших немало мостов через провалы географии, образа жизни и происхождения, встречающиеся как раз настолько часто, чтобы не надоест друг другу, но и оставить кое–что недообсужденным до следующего условленного свидания. Все трое не могут не выразить признательность также джентльмену из

лондонской подземки, без противного напоминания которого «Mind the Gap» данное исследование вряд ли бы могло развиваться.

Масштабы труда, предлагаемого читателю, нельзя оценить без объяснения, что первая исходная точка *A* — это Лондон, физика, бизнес, фунты стерлингов; вторая *R* — Эдинбург, искусства и фестивали, шотландские виски и фунты; третья *C* — Минск, образование и науки, "зайчики" по двадцать тысяч за фунт, при очень разных доходах на душу в любой из упоминавшихся выше валют.

Вряд ли кому-нибудь надо объяснять историю разницы английского и шотландского менталитетов. Но немного конкретики о Минске и Беларуси привести придется, так как на диком Западе о них слышали разве посольские работники и несколько президентов, для которых это нечто вроде верстового столба по дороге в Москву. Не поленитесь открыть атлас и ткните пальцем в самую середину европейского континента (учтите, что географически Европа не кончается Польшей, а продолжается еще дальше до Уральского хребта!). Вы как раз попали в почти двухмиллионный город Минск. Пространство вокруг Минска, загрязненное черной радиацией, называется государством Беларусь. Это красивая страна сорока тысяч синеватых озер и рощ корабельной сосны, которую любили писать на полотнах классики. Антропогенная деятельность представлена гигантскими трубами, которые в настоящее время не дымят по причине отсутствия сырья и "зайчиков", пяти- и девятиэтажными бараками одинаковой конструкции, какие недавно строили на пространстве в одну шестую суши. Границу с Западом нетрудно обнаружить также с самолета, пролетая из Польши, состоящей из множества разноцветных лоскутков. Сразу на востоке начинаются бескрайние однородные колхозно-совхозные посадки. Границу между владением одного председателя и другого с самолета не охватишь. Все это ничего не значит, кроме того, что внизу тоже растут картошку, но привозить ее для пропитания придется все-таки из Польши. Если разница менталитетов видна даже с птичьего полета, то внизу и подавно.

В отличие от Шотландии и доброй старушки Англии, старый антропоген в Беларуси не представлен, хотя не только Минск, а и добрый десяток других городов постарше и Москвы и даже Эдинбурга. На несчастье белорусов они оказались на перекрестке, где били тевтонских рыцарей, топили французов и пруссаков. Здесь топтались шведы, немцы, поляки, коммунисты. Всем мешали палаты, храмы и население. В результате только за прошлую мировую войну белорусов стало почти на треть меньше! На этом обширном кладбище лежит немало Фарадеев и Бернсов. Пустое печальное место, скажете вы, — незачем и запоминать! И будете неправы. Спрашивают, чем отличаются русский и белорусский менталитеты. Отличаются. На границе Шотландии показывали Castle Campbell. Там когда-то остановились римляне, не рискнув продвигаться дальше в Highlands. В результате в Шотландии до сих пор больше романтического, чем в Англии романского. В глубоком средневековье монгольские войска Чингиз-хана, покорившие Русь, так и не завоевали Белую Русь. В России татарский разрушительный дух силен и сейчас, в Беларуси сильное славянское цивилизованное начало. Бесконечно долготерпение этого народа, пережившего у себя битвы врагов и

дураков—начальников. Слава Богу, хоть теперь дожили до полной первобытной независимости: каждый живет от земли и по природе, нет ни денег, ни газет, ни объединяющей идеи! Придет Гануля к соседке с телевизором: «Што, кабета, вайны няма?» — «Здаецца, не. У Минску на тэлевізійі пяюць ды пляшучь...» — «Ну, и то добра». — «А што у нас кароль яки есць, ці не?» — «Есць, кабета, з вусамі. Таксама смяецца». — «Мабыць, добры чалавек. И ранейшы быу добры...» Одна беда, выборы! Чистое наказание, когда случаются: «Усе ж яны там у Минску добрыя и смяюцца, хай бы и были назауседы, а то бульбу ачучваць, ды парася сцерагчы...»

К немалому удивлению первых радиобиологов, высадившихся на Бикини, термоядерные взрывы не стерли в порошок маленькие клочки суши. Наоборот, растительность на островах стала более буйной! Правда, за счет примитивных видов. Природа компенсирует разрушения, хотя бы за счет количества. На воронках, края которых сравнялись, из снарядов, ядер и мечей в Беларуси проросла трава, гуще растут елки и сосны. Выжили языческие боги: гремит весенними грозами Перун, смеется с топкой болотной кочки Пан, на белорусской речке Горыни, пережив коллективизацию и мелиорацию, дает о себе знать Змей Горыныч. Что за земля здесь, Господи! Кальций из костей, капли железа из крови поколений, соль от пролитого пота! И с положенной в природе частотой рождает она не признаваемых на родине граждан мира — пророков и гениев. Здесь род писателя Достоевского и дом Адама Мицкевича, тут творили Малевич и Шагал, революционер и музыкант Михаил Огинский, и другой свободолюбец Тадеуш Костюшко. Отсюда начался исход премьеров Израиля. На этой земле родился академик Арцимович — соавтор водородной бомбы и родоначальник термоядерной энергетики, залога человеческого процветания. Самую первую книгу для всего пространства на восток до Великого Тихого океана издал белорус Франтишек Скорина, а другой его соотечественник Заменгоф, заботясь о взаимопонимании между племенами и народами, создал самый известный интернациональный язык эсперанто. Это беда, что частота рождения гениев — величина постоянная! Направленная селекция при уничтожении народонаселения, как на Бикини, упростили белорусское общество, вернув его к идее простого воспроизводства. Трудно ждать новых мыслителей, когда пропадают объединительные начала. Упала страна в стародавние времена индивидуального прокорма, а вместо образованных князей без глашатаев, масс-медиа и матюгальников, которые теперь дороги, пытаются горлом докричаться до далеких дач колхозно-совхозные директора. Печальна была бы судьба этой страны, но мудрая природа не зря создала третий термодинамический закон! Через тамошни растущая энтропия принесет в среднеевропейское болото надежду и изменения, происходящие по границам. Хотелось бы быстрее, ведь жизнь целого поколения — миг в историческом процессе!

Хотя последние фразы звучат оптимистично, они, вопреки нашему желанию и по законам восприятия, тоску все-таки навевают. Тем более необходимы этюды оптимизма, обоснования которого устанавливаются научно. Ниже и приводятся результаты хулиганской теории мирообразования, сформулированной в рестораничках Монмартра, шотландских тавернах и минских столовых. Замечено, что самые крепкие

формулировки приходят под водку, в то время как бужоле производит слабомеренный эффект. Отсюда напрашивается очевидное наблюдение: **качество и крепость напитков — причина географического разнообразия менталитетов**, ибо всем известно где, как и что пьют. При этом **качество закусок играет по-видимому консолидирующую, а также селекционную роль для сильных душ в крепком теле**. Последнее следует из практического опыта зарубежных визитов в страны СНГ: в свой первый день иностранец выглядит привычно розовым, во второй заметно сереет, с третьего начинается понос. Хотя гостеприимные славяне угощают их отборной пищей, внешне даже похожей на еду, невидимые глазу колхозные пестициды неизменно производят революционный эффект. Между тем, народ употребляет эту отраву каждодневно без красивого целлофана и лишь крепчает, розовея от выводящих нитраты крепких напитков, что внешне отражается лишь на общей продолжительности жизни! В результате второй визит способен состояться, если иностранное лицо имеет здоровый желудок, рассчитанный для переваривания любых природных и непродовольственных объектов окружающей Среды. Хозяева таких международных желудков могут попробовать записаться в хулиганы.

Однако я, кажется, заболтал суть того, что надо бы сказать читателю во введении. Спихватываюсь и формулирую идею всех последующих рассуждений, которые англоразговаривающие люди справедливо называют спекуляциями. Ниже мы берем описать современное состояние науки человеческого общежития, имея в виду все разнообразие мешающих и способствующих факторов: языковых, национальных, ментальных, профессиональных, биологических и прочих. Ничего себе задачка, да? Мы назвали ее **Хулиганизмом**, или **Бриджсингом Гэтов**, что, впрочем, скорее название, чем определение.

Любая наука последовательно проходит стадии накопления данных, их осмысления и построения теории. Хорошая теория располагает небольшим числом законов, из которых легко описывается состояние системы и делается предсказание ее поведения — прогноз. Это как раз то, что нужно практике. Три классических закона физики весьма просты, ибо в каждом из них — не больше трех переменных. Можно, например, однозначно предсказать ускорение тела заданной массы, если на него действует сила определенной величины. Но попробуйте добавить всего одну лишнюю переменную и получите столько проблем, не приведи Господи! В природе одновременно взаимодействуют тысячи переменных, да еще каждый из пяти миллиардов людей вносит свой вредный вклад. Нечего и говорить, что несмотря на мириады экологов пока говорить об экологической науке рановато, ибо нет ни строгой теории, ни предсказывающих (чем грозит вред нашего существования) законов — одно накопление неосмысленных фактов. Пока этого сделать не удалось, актуальным остается лозунг зеленых «Назад к природе», в самом крайнем смысле означающий полное невмешательство: если любая технология ухудшает качество Среды, надо прекратить производство и выращивание, жить тихо и дико в согласии с гармонией окружающего мира. С сожалением следует признать, что в сравнении с каменным веком качество Среды обитания ухудшилось и продолжает ухудшаться. И еще ухудшится, поскольку прогресс неостановим. Но можно, по-видимому,

его сделать несамоотравляющим и даже включиться в природный процесс саморегулирования. Пока мы в самом начале пути.

Но Бог с ней, с экологией! Пусть она останется наукой для поколений следующего столетия. Надо бы людям выжить хоть по-простому, хоть как, чтобы было кому заниматься ею в будущем веке. А то ведь перебьём друг друга до смерти в процессе самоопределения! С гордостью можем доложить человечеству, что среднесрочную науку самовывживания мы создали, каковую и представляем на суд населения вместе со всеми характерными чертами — накоплением наблюдаемого с разных позиций, осмыслением и выводами.

5 миллиардов разнообразия, или экспериментальный материал

Всем известно, как много живых организмов обретается на ограниченном земельном пространстве, и каждый день возникают новые! Идея многообразия представляется симпатичной хотя бы в противоположность скуке и, безусловно, скрашивает утомительно длинную жизнь. Раз уж выдолось мучиться на этом свете, это лучше всего делать в пестроте. Впрочем, как посмотреть... Помню, в самый разгар размножения, приходящегося на бархатный сезон, после ночного купания мы с другом вернулись в бунгало, где на свет слетелось несметное количество насекомых. Мой товарищ, едва взглянув на свою койку, отчаянно заверещал. На белоснежной простыне мирно посапывал зеленый жук невиданных размеров. Пока я объяснял, что это, возможно, эндемик, каких больше нигде на свете нет, товарищ взял два тапка и с треском прикончил чудовище: — Раз другого нет, все равно ему размножаться не с кем!

Этот пример из фауны поучителен: индивидуальность, или что то же самое — эндемичность имеет свои проблемы. Какой бы ты особенный ни был, в одиночку долго не поживешь: придется приискать если уж не совсем идентичных, так по крайней мере себе подобных, ибо биологический закон продолжения вида никак не обойдешь! Запомним этот закон, давно известный биологии: *любое живое стремится к бесконечному копированию (размножению) по собственному образцу.*

Мы, однако, сразу сузим область исследования до уровня исключительно человеческих особей. Дай нам Бог разобраться хоть бы с человечеством, в котором проблем, может, и меньше, чем у жуков, но тоже немало. С какой стороны ни посмотришь на население, оно и разнообразно и удивительно.

Полагаю, что большинство людей ничего не имеет против многообразия человеческой породы. Общительный человек с удовольствием посидел бы за кружкой пива с каждым из своих современников. Беда в том, что их пять миллиардов. Никому не удастся запомнить имена всех собутыльников, и появляется соблазн выделить для себя общество, приятное во всех отношениях. В жизни каждый это делает бессознательно, применительно к тому, что человек, в конце концов — существо социальное и нуждается, по крайней мере, еще в двоих. Ибо пить в одиночку всегда считалось последним делом. Так образуется ниша

безопасности. Посмотрите на рака–отшельника! Беззащитный, тонкокожий... Да съедят его за две минуты, если нет у него ниши для спасения. У рачка попроще — замшелая ракушка, у нахрапистого — блестящая и просторная. В том смысле, что разнится круг общения, в котором жить можно комфортабельней и увереннее.

Мы, однако, ищем закономерности образования социальных коллективов, для чего сначала придется разобраться с разнообразием выбора. Итак, на первый взгляд все люди различны и выбирать придется из миллиардов. Слава Богу, что они разные. За каждого можно бы и выпить, но разум подсказывает, что лучше это сделать за всех разом. А закусив, согласиться, что ситуация вовсе не так безнадежна.

Во–первых, чтобы договориться против кого дружить, нужен хоть какой–нибудь общий язык. Не будем усложнять и стремиться знать все языковые оттенки, но хотя бы сто слов — это минимум, необходимый даже для председателя колхоза, позволяющий думать одно, говорить другое, подразумевать третье, а делать как хочется. Язык — прекрасная вещь, позволяющая договориться. Причина недопонимания, ссор, многих трагедий и даже войн — разный смысл, вкладываемый собеседниками в одни и те же слова. Так что язык неадекватно описывает ментальное состояние людей, часто думающих одинаково и страдающих просто из–за несовершенства языка или оттого, что они не умеют пользоваться словами. Слова, слова... Скольких конфликтов и бытовых и исторических можно бы было избежать, если бы люди знали все слова! Да не своего национального, а всех существующих языков мира! Истории известны чудачки, посвятившие себя их изучению. Говорят, папа Римский знает чуть ли не двадцать, а полиглот с 60–ю языками записан в книгу рекордов Гиннеса. Из ближайших примеров назову начальника международного отдела, здоровающегося на 12 диалектах. К счастью, лингвистический талант он не совершенствовал, что позволило сохранить память для весьма забавных анекдотов, скрасивших не одно застолье. В начале века польско–белорусский еврей Заменгоф создал эсперанто, попытавшись решить проблему раз и навсегда. Следует признать, что из затеи ничего не вышло: славяне упорно зубрят неуклюжий английский, или свой собственный, давно не использовавшийся и никому не понятный, утверждаясь в своей независимой самости. Как будто жители американских штатов, говорящих по–английски, или мексиканских — по–испански, ощущают себя аборигенами заморских колоний! У новой черной власти в Южной Африке хватило–таки ума не сделать государственным бушменский.

Чтобы заключить тему языкового разнообразия, сделаем выводы, существенные с точки зрения бриджинга в пятимиллиардном человеческом множестве:

- 1). Идеальный способ договориться — знать все языки, диалекты и слова.
- 2). Поскольку это совершенно невозможно, лучше всего всем людям мира говорить на одном выбранном путем голосований и войн языке.
- 3). Так как ни одна из крайностей не сможет реализоваться, надо выкинуть из головы идею, что все будут разговаривать со всеми. Можно лишь говорить об общении с возможно большим количеством живущих людей. В таком случае придется выбирать из групп англо–, франко–, испано– или германо–говорящих. Если стоит задача вовлечь в общение

большинство населения, придется учить китайский. Но если лень это делать придется довольствоваться ролью мессии в собственном племени.

4). Есть, наконец, компромиссный путь знать всяких языков понемногу, заранее смирившись с несовершенством знания. Этого обычно достаточно, чтобы сговориться о бриджинге. В конце концов, языковые оттенки обязаны знать лингвисты, пару десятков которых в каждой стране блюдет грамматику, орфографию и пунктуацию. Есть, правда, особая ситуация, когда договариваться приходится о любви, где любые оттенки и поцелуи имеют значение. Но, согласитесь, что никто, кроме политических деятелей, не испытывает сексуального чувства ко всему человечеству, а один язык любви выучить не проблема.

Другое серьезное затруднение — в бриджинге по расовому признаку. Экспериментальное наблюдение этого выражается в том, что белый человек с трудом различит двух китайцев и по-простому держит в уме три миллиарда желтых, подразумевая также монголов, тайцев и всех остальных азиатов. Есть сведения, что, в свою очередь, японцы различают Пьеров и Гансов только по галстукам. Я знаю человека, большого бабника, который всех любимых женщин называл Раями, что весьма облегчало ему жизнь. Справедливости ради отметим, что большинство людей, исключая глобальных политиков, жестко привязаны к своему полушарию, где разноцветие не сильно бросается в глаза. Так что знакомство с каким-нибудь экзотическим Мгонболунбой не вызывает особых проблем (в смысле различения, а не запоминания имени), пока вместе с ним не появятся также Нгу и Токанава. Ум, таким образом, сознательно противится перегрузке, оставляя в памяти место для более нужных подробностей в ближнем окружении. Эскимосам, например, это позволяет различать сотни видов снега вместо того, чтобы запоминать имена своих исследователей, от которых все равно никакого толку, кроме огненной воды. Свободная память — вообще самая дефицитная вещь, и у занятого человека ее в распоряжении вряд ли больше одного килобайта. Беда, что кроме белых и желтых, есть еще черные, а в связи с ухудшением Среды обитания появились также зеленые и голубые. Вопрос в том, в какой степени допустимо валить в одну кучу разноконтинентальных уроженцев без ущерба для восприятия пестроты окружающего мира? Одно утешает: цветной мир всегда веселее черно-белого!

Если с расами как-то разобраться можно, то тысячи наций сведут с ума самого сообразительного. Существуют карты и толстые справочники, которые способны лишь запутать разумного человека. Тысячи национальностей — явный перебор для любой памяти. В конце концов, уважающий себя американец вовсе не обязан знать о существовании племени ага-ога. Кстати, по правилам, не должно быть никаких американцев вовсе, зато имеют право существовать цыгане, которые неизвестно, где ночуют и о местоположении которых никогда нельзя сказать ничего определенного. Ну, ладно, евреи, божьи люди, особо отмеченные и уполномоченные. Что у них за назначение никому не известно, но что оно есть, сомнения не вызывает. Правда, они перемешались со всеми другими нациями. А вот цыгане — нет! Не смешиваются, а цыганят и цыганят, не замечая ни времени, ни границ. Что у них за предназначение? И еще одно племя масаев... Старпом однажды предупреждал: — Масаи — это такие специальные люди, с пенициллинами в ушах. И с пиками. С ними держите ухо востро. Чуть поперек, — сразу пикой и дух вон! Я видел шикарных масаев в роскошных золотистых и фиолетовых балахонах. Уши с громадными

дырками, т. е. они действительно длинноухие. Мы их угостили сигаретами, и курили они царственно — сразу две штуки! В короткой беседе (а на каком языке говорили, не помню) удалось узнать, что в государственном устройстве мира они слабоваты, бродят по всей срединной Африке, не предъявляя паспортов, т. к. понятия о паспортных столах не имеют. Зато отбирают всех попадающихся по пути коров: по их представлениям, все имеющиеся на свете коровы — масайская собственность. Хорошо, что не добрались они до советских колхозов, не то побили бы председателей пиками, как едва не побили нас за попытку сделать экзотические фотокарточки.

Изоблие наций существенная часть бриджинга, ибо ментальные особенности с национальными связаны неразрывно. Их обойти невозможно, но для простоты рассмотрения усложним национальную проблему географией. Есть вещи принципиально неделимые. Не пытайтесь изучать любовь, не делите ее на атомы — пропадут и цвет, и запах, которых у атомов, увы, нет, а с ними и сама любовь! Любовь принимается целиком как противоположность всякому анализу и рассудку. Так вот и нации со странами тоже лучше воспринимать в связке.

Наличие государств — чистое наказание для человечества. Вспомнить хотя бы визовые проблемы и таможенный разбой. То, что они существуют, известно каждому, да вот зачем — вовсе не очевидно! Попробуем собрать все известные признаки государства с попыткой осмыслить данный исторический атавизм.

Во-первых, государство имеет охраняемые границы, зафиксировавшие равновесие военных сил и взаимной недоброжелательности. Нередко они проходят по национальным ареалам, как по живому, разделяя население с одинаковой или близкой ментальностью. Есть подозрение, что наличие стран — чистое изобретение политиков, поскольку за своей границей, как за занавеской, они могут творить все, что хотят. По-видимому, нет такого государства, в котором не провозглашены свободы, равенство, суверенитет и демократия.

Что касается демократии, то с древнегреческих времен не сохранилось ни платанов, ни Платонов, так что объяснить это понятие негде и некому. Не удивительно, что Северная Корея называется демократической, а южная — просто республикой. И хоть повсеместно распространена *кратия демоса*, на все надобно сперва получить разрешение, лучше в письменном виде с подписью и печатью. И как раз ничего подобного не происходит: подписи всех граждан не собирают, потому что у граждан никаких печатей нету.

Отсутствие печатей поясняет соответствующее состояние свобод и равенства. В любой стране есть равные граждане и всегда кто-нибудь ровнее, хотя таких совсем мало, а иногда и вовсе один — Генеральный секретарь. Это демократы последней генерации полагают, что люди рождаются равными. Что это не совсем так, подтвердит акушерка любого родильного дома, приведя в аргументы разброс по весу и росту. Неравенство здоровый человек осознает годам к четырем, а дальше лишь укрепляется в своем открытии. Разумеется, самый большой удар равенству нанесится в момент проявления человека как самостоятельной личности, когда его интересы входят в противоречие с соседними. Каждый знает,

что детское общество самое демократичное и равноправное. Только в детстве будущего Ивана Степановича можно запросто обзывать Ванькой, а лорда Смита мистером. Яркий пример из исторического детства человечества — райские страны Полинезии, где ни денег, ни богатства, а все счастливы!

Зато с суверенитетом обычно все в порядке. Правда, никакого отношения к людям это понятие не имеет. Даже в одной отдельно взятой семье всегда кто-нибудь главнее, а потому остальные получаются зависимыми от деспотичного отца или трепыхаются под каблуком властной жены. Так что суверенитет — вещь не только растяжимая, но и бесконечная. Суверенитет можно дробить от величины целой державы до отдельно взятого гражданина. Раз начавшийся процесс суверенизации остановить трудно. Чтобы направить его в разумное русло, правители страны обычно объявляют населению о едином суверенитете на всех. Однако из всех охваченных общей независимостью всегда найдется несколько еще более независимых, извещающих о своем решении как верхних, так и нижних. Развал СССР стал настоящим потрясением для мира, который слышал о Москве, а остальное имел в виду как замороженную Сибирь, именовал Россией. Слава Богу, Россия никуда не исчезла, но появились Украина, Казахстан, Бишкек и каждый день новая Чечня. Если дело пойдет подобным образом, у западных людей не хватит ни денег на помощь, ни памяти для сохранения картины мира в его привычной стройности. В одном полинезийском королевстве полного образовательного равенства, где все подданные независимо от государственного положения получают одинаковые знания, вождь Малупу, к примеру, убежден, что СССР — одна шестая суши, на которой имеется столица Москва. Он вполне допускал, что город Владивосток имеет отношение к СССР, но расположен, по-видимому, в Калифорнии. Право, все так хорошо складывалось поначалу: больше демократии и всего один Горбачев! И откуда взялось столько новой географии! И городов с миллионами людей, уже состоявшимися или весьма вероятными столицами... Говорят, президент Рейган путался не только в странах, но и в континентах, на что несомненно имел право. В географии положено разбираться соответствующему департаменту иностранных дел; царское дело — указать вектора политики по странам света. Но и департаменту досадно, что работы больше...

Самое печальное в новых государствах даже не в неудобствах для запоминания, а в том, что плодятся все новые суверены, получившие возможность претворять в жизнь новаторские идеи весьма сомнительного демократического свойства. И совсем нехорошо, что среди них маловато потомственных лордов. Для американцев распознавание наших демократов дается исключительно тяжело. Все же дикий народ — эти американцы, и очень далеко живут: только распознают нового демократа, а он уже тиран или путчист.

Поскольку никакой естественной причины в наличии государств, а тем более в образовании новых нет, каждое правительство придумывает собственную. Заманчиво выглядит национальная идея, но в том и дело, что национальные ареалы и границы почти никогда не совпадают. Подавляющее население Сингапура — китайцы, но всем им предписано называться сингапурцами. В общем, разумно не только для туристов, но и для собственного народа, которому, будь не так, пришлось бы

руководствоваться указаниями пекинского политбюро. А так родное руководство предписывает правильный путь вперед.

Если естественной причины нет, то должны быть неестественные или хотя бы какие-нибудь. Понять разделение мира нельзя, но попытаться объяснить — пожалуйста. Всем известно, что отношения между поругавшимися родственниками быстро улучшаются после разъезда из общей квартиры. В условиях квартирного суверенитета зятя крепче любят тещ, к которым с удовольствием ходят на блины. Если это справедливо по отношению к одной семье, то касается и крупных человеческих сообществ. Отсюда следует **закон границы**, имеющий массу бытовых определений: мой дом — моя крепость; в своем доме что хочу, то и ворочу; сам с усами и т. д. По данному закону мир и должен распадаться на все более мелкие гордые и независимые, огороженные со всех сторон составляющие, видимые только на крупномасштабных картах.

Новое правительство быстренько организует идеологическую кампанию по воспитанию населения в соответствии с собственными усами, а для инакомыслящих — подавляющую силу. На собственной территории водружается флаг, символизирующий самостийные управляющие идеи, которые обязательно отличаются от заграничных, ибо в противном случае границы не требуются. В результате этнические племена недолюбливают пограничных соседей. Даже миролюбивые болгары терпеть не могут румын за цыганскую неопрятность, македонцев за македонский вопрос, турок за турецкое иго. Зато русских называют братушками. Читатель может сам проверить **закон двух границ**, который мы иллюстрируем в графическом виде, полагая, что такое сложное явление как терпимость к ближнему носит вероятностный характер.

Закон двух границ — диалектическое объяснение стремлению к объединению, слиянию, любви (до поры, пока не начнет действовать закон одной границы, или, что то же самое — начала войны). Ибо на пути слияния неизбежно путаются пограничные недружественные государства, как это показано на стратегической схеме ниже.

Чтобы завершить тему, осталось рассмотреть роль и месторасположение столицы. Ни у кого не вызывает сомнения, что таковая должна служить для размещения почитаемого управителя, одномыслителей и атрибутики. В старые времена в столице процветали также обласканные сатрапом работники культуры, науки и искусства. Сейчас столицы предназначены исключительно для чиновников. Например, ничего не известно об ученых в Вашингтоне. В век добротных коммуникаций для процветания культуры и наук имеют значение лишь места рождения талантов, которые по поверхности планеты рождаются примерно равномерно. Исключение составляют страны, в которых рубильник от коммуникаций находится в столице. На российских просторах информация сразу перехватывается в Москве, откуда за границу посылаются также сведения о московских гениях. Поскольку остальная территория процессом не охвачена, о процветании искусств и науки где-нибудь еще на одной шестой суши ничего не было известно. Между прочим, с этой стороны дробление слаборазвитых держав играет положительную роль, так как позволяет идентифицировать в них независимый творческий потенциал.

У нового суверена возникает вопрос, где расположить столицу. На это имеется вполне научно разработанный рецепт: силы недружелюбия к пограничным соседям (закон границы) стремятся уместить ее в географической середине. Москву следовало бы разместить в Уренгое, откуда и командировки для распространения единомыслия стоили бы одинаково. Правда, строительство нового кремля на вечной мерзлоте обошлось бы недешево. Зато ничего другого там бы строить не пришлось, так как новые русские комаров не любят. Ничего удивительного, если из-за неправильного расположения Москвы от нее вскорости отделятся восточные территории как раз до географического округления государства.

Методика и рассуждения об упорядочивании беспорядка

Даже беглый обзор показывает, как глупо и беспорядочно все сложилось на Земле из-за безобразного обращения истории с многообразным человеческим материалом. Многообразие, даже бесконечное, в конце концов делится на атомы, число которых вполне обозримо. Вероятно, из них можно даже составить периодическую таблицу, наподобие менделевской. К этому следует незамедлительно приступить, ибо задержка с человеческим развитием стала утомительной. Нельзя кругами ходить по одному и тому же полю ошибок, утыкаясь в ватные стены, когда за ними столько новых возможностей!

Наблюдая сложный окружающий мир, древние пытались уложить его в голову. Получились атомы: вода, земля, огонь и воздух. Дошли до этого, между прочим, умозрительно. У экспериментаторов получается долго, нудно, а иногда вовсе не получается. Один такой писал на физфак: «Я долго смотрел на электролампочку и никаких квантов в ней не обнаружил. Поэтому их нет». Мы пойдем древним, логическим путем.

Многие, вероятно, играли в разгадку задуманного предмета с навоящими вопросами. Сообразительный построит первый вопрос так, что ответ "да" или "нет" сразу поделит рассматриваемое множество пополам. Возьмем человечество. В данном случае логически правильный вопрос звучит так: «Мужчина?» (или что то же самое: «Женщина?»). Разумеется, знать, что население состоит из прекрасной и безобразной половин хорошо, но недостаточно для разгадывания задуманного имени «Рая», у которого, кроме бюста, имеется еще много других неразгаданных достоинств.

Напомню, что мы уже дробили человечество по расовому, национальному и другим признакам. Если и дальше будем следовать этим путем, опять придем к рассыпанному множеству пусть и очень маленьких, но все тех же скучно суверенных стран. Или, что еще хуже, к пяти миллиардам индивидуумов. Впрочем, можно отталкиваться и от этого. Я хочу сказать, что колотить по камню только для того, чтобы превратить его в щебень или даже в миллионы песчинок — и скучно и ненаучно. Обратный разрушению процесс созидания редко применялся, и мы попробуем этот путь, надеясь на нетривиальный результат.

Так вот исходным экспериментальным материалом пусть служат все пять миллиардов разнообразных человеческих песчинок, из которых мы начнем лепить философские камни.

Очень даже может быть, что полученные конструкции объективно неочевидны, но хулиганизм давно додумался, что никакой объективной реальности не существует. Строго говоря, слово "объективный" давно бы пора убрать из всех словарей, но подозреваем, что за него насмерть будут стоять политики, из-под которых это выбьет платформу выразителей всенародных интересов.

Синтетический процесс — решка независимого существования, поэтому в данном рассмотрении будем последовательно игнорировать всяких суверенных орлов вместе с атрибутикой. В данной антифилософии введем аксиомы, которые в других науках называются также законами, а в религиях — канонами. И то, и другое, и третье, как известно, не обсуждают, а принимают на веру.

Аксиома первая, о неравенстве: *Никакого равенства не существует. Все обитающие на Земле люди, тем более в Африке, неравны.*

Как и любая другая, эта аксиома доказательства не требует, но может быть пояснена на-пальцах. Дополнительно к тому, что на эту тему говорилось в предыдущем разделе, добавим, что обратный принцип равенства, по-видимому, вообще противоречит природе, предпочитающей разнообразие. С точки зрения математики в равенстве

ДЕНЬГИ = СМИТ

обоих можно обозначить буквой X, а множество, состоящее из одних X—ов — одномерное и вырожденное. В нем можно найти только X и ничего более приличного.

Следствия из данной аксиомы состоят в том, что:

- демократических обществ не бывает,
- все люди несвободны, или все зависят от всего.

Данные послышки ничем не хуже ортодоксальных, зато лучше описывают реальную картину мира.

Что касается *суверенитета*, то это не философская категория, а лозунг. Каждый может повесить на себя любую этикетку, что лишь подчеркнет индивидуальную вычурность, а в остальном никакой полезной нагрузки не несет.

Отбросив расовые, национальные и страноведчески-географические обобщающие категории разнообразия и отталкиваясь исключительно от индивидуальной исключительности, поищем какие-либо ее проявления, способствующие взаимодействию. Ведь только силы взаимодействия, далеко- или короткодействующие поддерживают нуклоны в атомах, не позволяют развалиться молекулам и являются причиной образования социальных коллективов.

Аксиома вторая: *Любой индивид обладает силами отталкивания и притяжения, соотношение которых определяет меру индивидуальности и величину его ментальной бляшки (ареала).*

Данный тезис, как и предыдущий, в доказательствах не нуждается, но его можно проиллюстрировать. Известно, что человек как существо социальное так или иначе связан с другими. Среди других случаются

домоуправы, сослуживцы, продавцы магазинов, дворники, в общем виде даже родственники и многие проч., с которыми связь осуществляется "по касательной" в силу разделения между людьми обязанностей. На "касательную" связь у каждого уходит не так уж много притягательно-отталкивающих сил, которые, напротив, затрачиваются на основательные, ментальные отношения. В орбиту общения по мере жизни вытягивается все больше народу, тем больше, чем больше абсолютная величина индивидуального притяжения. На такой питательной среде в итоге образуется бляшка определенных размеров, какие возникают в чашке Петри, если туда поместить какую-нибудь способную к размножению биологическую гадость. Поскольку человеческий род существует давно, бляшками самых разных размеров и видов обросло все окружающее ментальное пространство. Иногда разнородные бляшки напозают одна на другую, причудливо перекрываются и, в конце концов, определяют все видимые исторические, политические и географические несоразности на планете. Продолжая рассуждение, читатель сам может дополнить эту жутковатую картину уничтожением, возрождением и прочей эволюцией.

В глаза бросается сначала размер бляшек. Самые маленькие обычно бывают у дворовых "козлятников", общающихся только с соседями-пенсионерами. И разумеется, таких большинство. Но есть огромные бляшки, покрывающие и козлятников, и домохозяек и даже мелких политических деятелей. К слову, большие ареалы с правителями государств не обязательно связаны, т. к. собственную силу ментальности, обычно не очень большую, они нерационально растрачивают на все подвластное население. В результате на каждого приходится так мало внимания, что подданный на такое влияние плюет.

Обратимся к самым большим ареалам. Необычно великая притягательная сила, как и следовало ожидать, встречается редко и свойственна только ментальным лидерам, ареалы которых всепоглощающи. Конечно, лидеры обладают положительным (от Бога) и отрицательным (от дьявола) полем. Остальному населению они крайне необходимы в любом качестве, поскольку жизнь — все-таки движение, а вне векторного поля неизвестно, в каком направлении двигаться. Оказавшись на периферии всяких влияний, слабый человек потихоньку скукоживается, не оставляя после себя исторического следа даже в его стадном проявлении. Подобное можно наблюдать не только в человеческом обществе. Однажды в Памирских горах пришлось наблюдать большую, голов в двести отару овец, топтавшихся на берегу горной речки, пока чабан попросту не перебросил на другой берег самого главного козла. За ним уже безо всякого страха, давя друг друга, через бурный поток немедленно перебралось все стадо.

Индивиды человеческого рода тоже всегда ищут себе поводыря. Чаще того, кто поближе, кто знает хоть какое-нибудь направление, например, городского милиционера. Но иногда выбираются очень экзотические лидеры. Предпочтения отдаются самым сумасшедшим, с идеями неясными, но высказанными убедительно. Настоящая паника возникает в смутное время, обычно во время выборов и разрухи. В таких случаях для любых ментальных лидеров, преимущественно мелких, наступает

прямо—таки жирование: клинки хоть от Будды, хоть от партии придурков, и какое—никакое число последователей обеспечено.

О процентном числе крупнобляшечных лидеров можно спросить социологов. Правда, не всяких и лучше без научных степеней. Дело в том, что отечественные социологи впереди себя носят докторские дипломы, а наука, требующая бумажного подтверждения, имеет уже не научный, а чиновно—государственный смысл. Во всяком случае ученость всегда написана на самом ученом, и неважно качество науки, если ее надо заверять печатью. Так вот, по данным не отечественной, а мировой социологии ментальных лидеров бывает около 2% от всего населения. Я думаю, что это тоже весьма грубое приближение, простительное для социологов, не знакомых с математикой и ее практическими разделами. Существенным в предлагаемой теории как раз является вероятностное распределение человеческих индивидуумов. На приводимом внизу рисунке все население распределено в зависимости от роли в прогрессивном развитии.

Нет никаких оснований выдумывать для данного случая какое—то особое распределение вероятностей, потому что изображенное нормальное (или Гауссово) распределение универсально описывает всяческие разбросы. Данная кривая совершенно симметрична и имеет две характеристики — математическое ожидание (среднее) и дисперсию, для простоты представления заменяемой шириной на полувысоте. В пределах полуширины по обе стороны от среднего расположена основная, серая, или, что то же самое, нормальная публика. Сколько в человеческой популяции нормальных — дело вероятности или выбора. Физики пользуются разбросом от $+\sigma$ до $-\sigma$, и тогда получается, что совсем нормальных, по определению, вообще—то не очень много — всего около 67%. Зато это истинные серые! Но можно считать нормальными все индивиды в пределах 2 или даже 3 σ . В последнем случае их уже около 97%. Это уже неплохо. Так что если к нормальным людям отнести и совсем серых, и полусерых, и с небольшими отклонениями, то их накапливается порядочно. Все остальные, опять—таки по поредению, ненормальны. С рассматриваемой вероятностью на их долю приходится 3%, что близко к цифре мировых социологов. Но разница все же есть: процент этот плавающий! Все дело в вероятности и еще в том, как мы учитываем отклонения от среднего.

Теперь посмотрим на так называемые "хвосты". Нетрудно заметить, что их два. В левой части распределения размещены ненормальные, представляющие угрозу населению. Таких помещают в дурдома. В правой — тоже ненормальные, но уже с божьей искрой, которых для удобства назовем гениальными. Тут располагаются великие ученые, артисты, писатели и поэты, особенно много ненормальных художников и почти не встречается политиков, предпочитающих отираться в массах. Удел их тяжел и почти безнадежен, ибо им назначено тащить за собой вправо, по пути прогресса тяжелую, инертную массу основного населения. Когда это удастся, математическое ожидание чуть—чуть смещается, и человечество на йоту становится умнее.

Как видим, на гениев и дураков приходится по полтора процента, что в симметричном мире весьма важно для равновесия. Но взглянем на

гауссову шляпу сверху¹. В объемном виде норма выглядит внушительной серой горой, зато у ее подножия... Там перемешались все ненормальные! Где гений, где пациент из дурдома — никак не различить! На первый взгляд, это математические фокусы. но, как известно, ничего практичнее хорошей математики не бывает. И действительно, что это за гений, если без придурки! И кто видел хоть одного из них нормального?

Обследование ненормальных

Если и есть чего интересного в приведенных выше распределениях, так это хвосты, с которыми стоит повозиться. На самом деле только эта часть населения с придурью обеспечивает и существующую жизнь и все будущее устройство популяции во всей его непредсказуемости. Особо выделим влиятельную часть справа на плоском рисунке, на котором они естественно разделены. Сидящие в дурдомах большого влияния не оказывают, даже не тянут назад само общество, которое их бдительно охраняет от всякой активности. Стало быть, обследовать нужно активных ненормальных справа, где помещаются также и всякие мыслители, лидеры в том числе. Откуда они берутся, в чем их отклонения состоят и можно ли их селекционировать?

На последний вопрос легко ответить в отрицательном смысле. При встрече старых знакомых можно услышать: «Молодец, хорошо пошел, большой стал человек!» Это поздравление обычно относится к чиновничьим назначениям, а попросту к карьерной деятельности, которая у каждого с выслугой лет протекает с большим или меньшим успехом. И никакого отношения к правой ненормальности не имеет. С возрастом человек не становится больше. Он сразу появляется на свет большим или маленьким, совершенно независимо от назначения и даже рода деятельности. Мыслителем назначить нельзя, как нельзя сделать ученым, даже выдав соответствующие дипломы с печатями и произведя в академики. Как раз наоборот, самых дипломированных никто и не знает ввиду их полной незначительности. Ненормальных гениев редко признают и еще реже награждают, потому что контора по выдаче наград находится точно в середине Гауссовой кривой.

Так вот, попасть в привилегированный хвост нельзя, но чуть-чуть подправить жизнь тамошним индивидам, облегчить бурлацкий труд по перемещению матожидания в прогрессивном направлении немножко можно. Но для этого надо—таки разобраться в их ненормальных показателях.

Во—первых, мы зря их делим на художников, ученых и так далее по профессиям. Все мыслители, они же лидеры, и есть мыслители во всех смыслах, особенно на самом гениальном краю гауссовского хвоста, независимо от того, чем они конкретно занимаются в ограниченном жизненно—временном пространстве. В известной мере это зависит от приоритетных ориентиров общества. В прошедшем веке образованным

¹ ранее рассматривалась одномерная картина Гуссова распределения, то есть по одному признаку, однако человеческая природа отражается множеством признаков, поэтому далее имеет место переход с двумерному Гауссову распределению в пространстве двух признаков, то есть на плоскости [прим. ред.]

считался человек, разговаривающий на языках, музицирующий и в подробностях знающий новинки французских новеллистов. Естественно, что самая талантливая часть мыслителей устремлялась в искусства. В первой четверти века нынешнего модной стала физика, и гении ринулись в естествознание. В последние десятилетия в Советском Союзе появилась возможность пожить красивее, чем жили среднестатистические советикусы, и гигантские конкурсы в институты, где учили товароведов, рестораников и прочих жуликов, безусловно отобрали самых выдающихся хоть бы на одной шестой земной суши. В общем, настоящему мыслителю все равно чем заниматься. У него имеются все задатки, и что бы он ни стал делать, получится талантливо и превосходно. Ученый Менделеев, говорят, делал прекрасные чемоданы, а химик Бородин сочинял выдающиеся оперы.

Любознательность — неперменная черта мыслителя. Ему все интересно, и в подробностях. Поскольку докопаться до всех мельчайших подробностей по известному сценарию (библиотеки, окружение, обучение) не удается, мыслитель копает сам и часто откапывает настоящие драгоценности.

Другая отличительная особенность — сосредоточенность. Собраться, сосредоточиться, переключиться и опять сосредоточиться! К счастью для науки или к несчастью, но этот род деятельности временами требует полной отключки, а в остальное время у данного рода людей мысль крутится где-то в подкорке, в подсознании, даже во сне. И в конце концов рождает гениальное решение. Люди разбрасывающиеся, вечно чем-то занятые никогда ничего толкового не произведут. Это особенно касается чиновников, у которых полно томящихся в ожидании посетителей в приемных, много назначенных приемов и бестолковых встреч, и которых никогда не бывает на месте. Такие ничего путного не произведут. Для общества, даже серого, они абсолютно бесполезны, несмотря на занимаемые государственные посты.

Приведенные рисунки гауссовых распределений — статичные картинки. Но мы говорили об ответственности правого хвоста за прогрессивное смещение среднего. Что такое движение и что такое прогресс никто не знает. И слава Богу! Движением человечества заведуют мыслители. Движением внутри сигм занимаются власть, тщеславие, богатство, любовь и такое эфемерное понятие как счастье. В общей массе прогрессу содействует также особый род соревнования между полами. Будьте покойны, без такого соревнования никто бы никуда не двинулся. Мужчины ленивы от рождения и при любом удобном случае завалятся на кушетку с какой-нибудь газетой, и предпочтут помереть в небритом и голдном виде, ибо жарить бекон — это магазин, спички и многие другие трудности. Единственный стимул для их выживания, добывания денег и делания карьеры — женщины. Для них, ради них они и стараются, и бредятся, и заодно что-то делают в смысле всеобщей пользы. Есть подозрение, что и женщинам в силу их природного кокетства небезразлично мужское внимание, и с помощью всяких там женских штучек они стимулируют этих ленивых созданий. Так, подогревая друг друга, прекрасный и бредящийся полы осуществляют круговые движения. По-видимому, это и есть прогресс. По крайней мере, в середине распределения что-то шевелится.

И все ж описанные процессы — броуновское движение. Настоящие перемещения делают редкие индивиды в правом хвосте. Но что движет ими самими? На это ответов нет, По крайней мере, денег им нужно не больше, чем на поддержку штанов, а должностями они не интересуются вовсе, принимая любую власть как часть окружающей Среды. Счастливы ли они? По-видимому, да. Но и счастье это должно быть особенным, потусторонним и для нормальных людей непонятным.

Об эволюции ментальных лидеров известно больше. В общем развитие такой личности качественно выглядит без особенностей, разница — в количественных показателях. Так, все только родившиеся дети начинают одинаково с подмоченных подгузников и писка. У нормального потихоньку развивается сообразительность, которая в природных условиях достигает пика годам к семнадцати–двадцати, после чего наблюдается более или менее выраженная деградация.

Деградация — дело совершенно естественное, поскольку природа не допускает никаких излишеств. Если орган не тренируется, он неизбежно отомрет как ненужное. В броуновской жизни размножению и любви весьма способствуют макияз и мускулы, чего и добиваются молодые люди в добрачный период. После женитьбы, когда задача выполнена, мышцы прогрессивно дряблеют. Нормально голова тоже нужна лишь на период до занятия общественного положения. С получением должности ее незачем тренировать, и мозги отмирают за ненадобностью. Отсюда следует очевидное: с возрастом никто лучше не становится. Хорошо, если удастся поддержать в относительной сохранности функции, приобретенные в детстве! Между прочим, отметим очевидную, но почему-то замалчиваемую вещь, имеющую прямое отношение к эволюции, отбору и отмиранию отслуживших срок органов. Положим, в n-ом государстве родился и живет некто Иван Смит, у которого все клетки потихоньку и в зависимости от ненадобности умирают и замещаются. Так вот этого Смита соседи знают и в коротких штанишках, и сразу после женитьбы и потом как маститого сэра. Смит-то он как значился сначала, так и умрет Смитом, но ведь умирает уже совсем другой Смит, полностью, так сказать, биологически измененный на клеточном уровне! В старости бывает, что друзья расходятся и обижаются друг на друга, особенно если друг по молодости отбил невесту или забыл вернуть долг. Чего ж на него обижаться, если он совсем новый, пусть даже и под той же фамилией. Разумные люди запомнят того Смита, с которым было хорошо в старые времена. Беда только, что и вспоминает совсем биологически другой человек, и не Смитовский друг вовсе...

Не совсем так у рассматриваемых ненормальных. Во-первых, по абсолютной величине эволюционные кривые выше. У ненормальных все ненормальное, в том числе, и главным образом, биологические функции. Например, их отличает блеск глаз и небывалый гормональный напор. Вообще замечено, что сексуальная активность прямо связана со всеми видами другой активности². Поэтому у мыслителей множество

² Это безусловно справедливо только по отношению к избранным *ненормальным* с низким духовным развитием, поскольку существует неизмеримое множество примеров обратного. Не ходя далеко, приведем только трех величайших Учителей: Будду, Иисуса и Магомета, из которых только у одного проявлялась

беспорядочных и таких же, как они сами, ненормальных связей, не всегда кончающихся добром. Но если кому-нибудь когда-нибудь придет в голову заняться гибридизацией и селекцией этих самых ментальных сумасшедших, придется, пожертвовав основополагающими принципами педагогики и морали, обеспечивать поощрение всех видов сексуальной активности.

Другое отличие кривых — разброс пиковых значений. Бывают очень ранние проявления ненормальности. Это не нужно путать с родительской любовью, из-за которой подавляющий процент детей — гении. В рассматриваемом патологическом случае наоборот типична задержка развития. Школьные учителя таких детей называют тупыми. На самом деле эти дети просто не понимают глупостей, которые им стараются всучить. Потихоньку они до всего докапываются сами, но на графике это выглядит как позднее развитие.

Что еще особенного можно накопать в гауссовском хвосте? Для данных индивидуумов характерна полная нетерпимость к несвободе. Каждый из них может день и ночь напролет заниматься одним и тем же. Но это — их выбор. В каждом таком уме имеется в виду свобода выбора, и если вы в неподходящий момент увалитесь с бутылкой виски, вас могут выставить за дверь. Это вовсе не значит, что хозяин не любит выпить. Просто у него должна быть потенциальная возможность заняться одним или другим. Если речь идет о широко известных человеческих пороках: курение, выпивка и женщины, лишение двух из них может оказаться летальным для мыслителя. Как минимум пороков должно быть два. Для свободы.

И вот еще. В детерминистски-вероятностном окружающем мире судьба каждого человеческого индивида наполовину определяется внешними обстоятельствами, наполовину зависит от него самого. Подавляющее число людей не использует свои 50 шансов даже в малой степени. Мыслитель не только выжимает все положенное, но и умудряется кое-что прихватить из чужого за счет внутренней свободы и ослабления зависимости от внешнего мира. В отличие от срединного большинства, зарабатывающего на свою жизнь скучной службой, т. е. рассматривающих работу и жизнь отдельно, в правом гауссовом хвосте полагают, что жизнь (по понятиям предыдущих — отдых) и работа — одно и то же. На этом они экономят как минимум половину времени. Еще более значительная экономия образуется при интенсификации жизненного процесса. Темп, заданный в самом начале, они поддерживают в течение всего существования, не давая себе никакой поправки. Известно, что Дьявол не дремлет: дай организму отдохнуть, и он будет этого хотеть всегда! Сумасшедшие ни себе, ни подопечным никакого отдыха не позволяют. Если человек привык работать два часа в день, то трехчасовая перегрузка для него — сущий ад и личное геройство. Менее ленивые работают восемь часов в сутки, и два лишних часа могут перетерпеть. Гении трудятся круглосуточно и не устают.

В отличие от конторских, лидеры из исчезающей части нормального распределения редко обещают, но дав слово, обязательно его держат. В

этом они — полные антиподы политикам, которые обещают много и вскорости и никогда ничего не выполняют. Этим, в частности, объясняется частая сменяемость политиков, которых боготворят сначала и за которыми следуют. Заметив все тот же тупик, электорат в целях самосохранения благоразумно останавливается, а потом и вовсе топчет ненавистного поводыря. Мыслители обычно ведут в неизвестность, зато в открытое для освоения пространство.

Предварительные выводы

Мы не зря выделили ничтожно малую, но весьма важную составляющую человеческого общества. О них можно и должно думать больше. И исследовать. Наверняка появятся и другие исследователи гениальных сумасшедших, а может, и мы сами добавим что-нибудь к уже сказанному. Многие к старости страдают философствованием, и хулиганы — не исключение. Но данный конкретный предмет философствования — хулиганская заслуга. Весьма, заметим, важная, ибо предмет изучения — совершенно выдающийся. В исторических и политических книгах пишут о движениях народов. Уверяем вас, что это — совершеннейшая чепуха. Историю мира, его настоящее и даже будущее делают только сумасшедшие, или помягче — затрисигмовые ненормальные правого гауссовского хвоста, у которых — самые большие бляшки влияния на мировой чашке Петри. За ними и идут нормальные в качестве статистического материала. В добрый им путь!

